

Лаура Дейв

ВОСЕМЬСОТ
ВИНОГРАДИН

Верь только своему сердцу.
ТАК ПОСТУПАЮТ ВСЕ СЧАСТЛИВЫЕ ЖЕНЩИНЫ!

Лаура Дейв
Восемьсот виноградин
Серия «Так поступают все женщины»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12158519
Дейв, Лаура. Восемьсот виноградин: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84037-3

Аннотация

Что может быть хуже обмана? Да еще если тебя обманули накануне собственной свадьбы? Джорджия не могла и помыслить, что ее жених Бен не до конца с ней откровенен, а тем более что у него есть внебрачный ребенок. Мечты о счастье с любимым рассыпались, как карточный домик. Кто ей поможет? Конечно, родные. Она возвращается в Калифорнию, к старому семейному винограднику. Но беда не приходит одна, Джорджию ждет новый удар: у ее отца инфаркт.

У нее нет другого выхода, кроме как стать сильной женщиной. Но есть ли в жизни сильной женщины место любви?

Содержание

Часть 1	5
Себастопол, Калифорния, полгода назад	5
«Последняя капля»	9
Касательно Генри	13
Договор	17
Садовые ножницы	21
Холмы Себастопол-Хиллс, Калифорния, 1979 г	25
Мистер Маккарти	27
Парень по имени Марк и парень по имени Джесси	33
Незванные гости	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лаура Дейв

Восемьсот виноградин

Посвящается Дж.

Без тебя, наверное, не было бы этого романа... И уж точно не было бы такого великолепного вина

Чтобы получить одну бутылку вина, необходимо вырастить около восьмисот виноградин. Если это не достаточно веский довод в пользу того, чтобы допить бутылку до конца, я не знаю, как вас еще убедить.

Автор неизвестен

Laura Dave

Eight Hundred Grapes

© 2015 by Laura Dave.

© Зюликова Т., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2015

Часть 1

Виноградные грозди

Себастопол, Калифорния, полгода назад

Отец частенько рассказывает, как он познакомился с мамой. Было это в Нью-Йорке снежным декабрьским утром. Он спешил к желтому «Фольксвагену» своего коллеги, припаркованному перед Линкольн-центром. В руках держал два стаканчика горячего кофе и целую стопку газет – его вино «Блок четырнадцать», единственное вино первого урожая, вскользь упомянули в последнем выпуске «Уолл-стрит джорнал». Взмолвленный статьей, Дэниел Брэдли Форд не заметил, что перед Линкольн-центром стоит два желтых «Фольксвагена»; не заметил, что за рулем ежится от холода не агент по продаже, а будущая миссис Дженни Форд.

Папа ошибся машиной и так познакомился с самой очаровательной женщиной на свете. На ней были голубые рукавицы и такой же берет, из-под которого струились длинные светлые локоны. Все заднее сиденье занимала виолончель.

Легенда гласит – и, зная родителей, я почти готова поверить, – что мама не закричала от ужаса, не поинтересовалась, кто он такой и что ему понадобилось в ее машине. Она обворожительно улыбнулась и сказала: «Я уже начала волноваться, что ты не придешь». А потом протянула руку за стаканчиком с кофе, который папа охотно ей отдал.

Синхронизация – так называет это отец. Необычно сложное для него слово. Синхронизация – согласование двух или более процессов во времени. Слаженная игра оркестра. Невозможное сочетание освещения и выдержки, дающее идеальный снимок. Два желтых «Фольксвагена», припаркованных перед Линкольн-центром, в одном из которых ждет любовь всей твоей жизни.

Синхронизация – это не судьба, всегда добавлял отец. Не надо путать. Судьба подразумевает пассивность, синхронизация – активность. Все системы должны функционировать таким образом, чтобы каждый элемент находился в состоянии почти полной, если не абсолютной готовности.

Именно на этом принципе основывалось отношение отца к своей работе – сначала ученого, потом винодела. Дэн Форд стал одним из первых виноделов-биодинамистов в Калифорнии, если не во всей стране. Он брал в расчет не только сам виноград, но и те экологические, социальные и экономические системы, которые необходимо синхронизировать, чтобы получить хороший урожай. Отец утверждал, что любой другой подход – для ленивых.

Что до меня, я никогда не понимала, какую роль в моей судьбе играет синхронизация. До тех пор, пока она не разрушила всю мою жизнь, полную блаженного неведения и народного оптимизма. Закрывать на это глаза я не могла. Оставалось одно – сбежать.

Так я и сделала в ту роковую пятницу – взяла и сбежала.

Захватив с собой наскоро собранный чемодан и даже не переодевшись, я села в машину и отправилась из солнечной Южной Калифорнии, где жила последние четырнадцать лет, в маленький городок на севере штата, в котором родилась и выросла.

Спустя девять часов, пять остановок, два отвратительных кофейных напитка, больше похожих на молочный коктейль (один ванильный, другой клубничный), а также одну упаковку шоколадных конфет «Роло» я добралась наконец до округа Сонома. Облегчения, впрочем, не последовало. Проезжая мимо знакомого указателя на Себастопол, за которым уже

маячили холмы, я мельком увидела в зеркале свое отражение: собранные в узел волосы растрепались, взгляд несчастный. Такое чувство, что я просто сменила один ад на другой.

Я развернула машину, готовая ехать обратно в Лос-Анджелес.

Однако было уже довольно поздно. Шел сильный дождь. Кроме конфет, я весь день ничего не ела и так устала, что путались мысли. Поэтому я свернула с шоссе номер сто двенадцать на дорогу, ведущую в Санта-Розу. Я прекрасно знала, куда еду, – еще прежде, чем сама себе в этом призналась.

Бар «Таверна братьев» в округе Сонома знают все. Первые владельцы, те самые братья, открыли его семьдесят восемь лет назад. Им хотелось основать заведение, которое работало бы допоздна и где подавали бы отменное пиво. Следующие владельцы не только не отступили от этого плана, но и перевели гриль-бар на новый уровень. Они сами варили отмеченное не одной наградой пиво, славящееся на весь штат.

Естественно, теперешними владельцами «Таверны» были мои собственные братья – Финн и Бобби Форды. И естественно, при виде меня они устроят настоящий переполох. Братья сразу догадаются, что мне пришлось пережить, – прочтут по выражению лица.

За стойкой стоял один Финн – Бобби не было.

Это первое, что меня удивило, ведь Бобби по выходным всегда работал в «Таверне».

Когда же я не увидела на обычном месте отца, то совсем растерялась.

Пятничный вечер отец неизменно проводил в «Таверне». «Если не выпить с мальчиками, выходные все равно что не начались», – любил он повторять. Сердце у меня разочарованно сжалось, и только тут я осознала, зачем приехала – хотела, чтобы папа выпил со своей девочкой, а там – будь что будет.

Но в «Таверне» был один Финн. Он стоял за стойкой и смотрел на меня так, будто не узнал. А может, и правда не узнал? Принял за очередную запоздалую посетительницу, которая хочет пропустить стаканчик до закрытия? Вдруг его сбила с толку моя прическа и неестественная улыбка?

Так или иначе, вслух Финн ничего не сказал. Он прошел мимо глазающих посетителей и приблизился ко мне. Я выбрала табурет у края стойки – любимое место отца – и села, не обращая внимания на притворно равнодушные взгляды.

Брат гневно сверлил посетителей глазами. В этом весь Финн. До сих пор относится ко мне, как к младшей сестренке. Готов защищать еще прежде, чем разобрался, от чего, собственно, меня нужно защищать.

– Какими судьбами? – с улыбкой спросил он.

– Решила немного проехаться.

– Девять часов – это, по-твоему, немного?

– Малость увлеклась.

– Похоже на то. – Помолчав, брат спросил: – Тебя не оштрафовали?

– Нет, не волнуйся.

Финн считает, что я ужасный водитель, способный мигом истратить весь бензин и получить штраф за превышение скорости. От подобной репутации нелегко избавиться, даже если случилось такое всего лишь раз.

– Уже что-то, – с искренним облегчением произнес Финн.

Он смотрел на меня и пытался решить, расспрашивать дальше или не стоит.

Финн – мой хороший брат. Они оба славные, но для меня Финн – по-настоящему положительный герой, пусть только для меня. Зато Бобби более эффектный: капитан школьной футбольной команды, местная легенда, успешный венчурный инвестор, живущий полной жизнью в Сан-Франциско. Красивый дом, красивые автомобили, красивая жена с детьми. Бобби на пять минут младше Финна, но в остальном он всегда первый.

Для Бобби «Таверна» – просто увлечение. Он купил ее, чтобы Финн смог чем-то заняться. самого Финна вопрос трудоустройства волновал куда меньше. Он стал владельцем бара, чтобы всегда иметь возможность бесплатно выпить и не бросать фотографию. Финн – классный фотограф. Снимает в основном свадьбы и семейные портреты. Однако работает только под настроение. В этом он немного похож на отца: оба следуют некому кодексу чести, понятному только им одним.

– Папа уже ушел?

– Вообще не приходил. – Финн пожал плечами, будто хотел сказать: «Только ни о чем не расспрашивай». – Можно ему позвонить. Он сразу придет, если узнает, что ты здесь.

Я покачала головой, глядя в пол и не решаясь посмотреть на брата. Финн слишком похож на отца – те же темные глаза, та же копна темных волос. Оба красавцы, американцы до кончиков ногтей. Только Финн прячет свою гриву под бейсболкой, надетой козырьком назад. Обычно с символикой футбольной команды «Сан-Диего чарджерс».

Именно это сходство мешало мне рассказать брату о случившемся: меня не оставляло чувство, что, разочаровав его, я разочарую и отца.

Финн откашлялся.

– Так они не знают, что ты здесь? В смысле, папа с мамой?

– Нет. И я бы предпочла, чтобы ты не рассказывал им всех подробностей. Сам понимаешь, визит незапланированный.

– Понимаю.

Он помолчал, как будто хотел еще что-то сказать, но передумал.

– Неважно, почему ты приехала – они все равно обрадуются. Мы ведь не ожидали, что ты вернешься к сбору урожая.

Уборка винограда – пять самых важных недель в году отца. На последние выходные сезона, считавшиеся практически священными, я всегда возвращалась домой. Мы все возвращались. Братья жили в своих бывших комнатах, я – в своей. Остальную часть дома занимали наши супруги, дети, возлюбленные. Вместе с отцом мы срезали последние грозди, пробовали новое вино и непременно оставались на вечеринку в честь сбора урожая. Однако в этом году все было по-другому. Я не планировала приезжать – по многим причинам.

Финн понял, что зря затронул эту тему, и неловко переступил с ноги на ногу.

– Чего тебе налить? – спросил он.

Я обвела жестом весь бар у него за спиной, где, словно рождественские подарки, выстроились бутылки с бурбоном, скотчем и виски.

Финн улыбнулся и поставил передо мной два стакана: один – с бурбоном, другой – с красным вином.

– Чего тебе якобы хочется, – пояснил он, указывая на первый стакан. Потом ткнул пальцем во второй: – Что ты способна выпить до дна.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Я пригубила бурбон и почти сразу же потянулась к вину.

Финн поставил бутылку на стойку, чтобы я увидела, что он налил. Это было темное терпкое «пино нуар». Виноградник «Последняя капля». «Си-бемоль» 2003 года. Мое любимое вино из папиного виноградника. Вернее, наше с Бобби любимое. То небольшое, что нас роднит.

– Отличное вино, – заметила я. – Прибереги немного для Бобби.

Финн сдержанно кивнул, будто подумал о чем-то, чего не хотел говорить вслух.

– Голодна? – спросил он. – Могу попросить повара что-нибудь приготовить.

– Разве кухня еще не закрыта?

– Для тебя – нет.

Лучшее, что мог сказать Финн в эту минуту. Я благодарно улыбнулась. Он направился в сторону кухни, прихлебывая на ходу бурбон.

Я выпрямилась. Теперь, когда брат уходил, я острее чувствовала на себе любопытные взгляды.

На пороге Финн обернулся.

– Слушай, Джорджия...

– Что?

– Ты в курсе, что на тебе свадебное платье?

Я взглянула на кружевной подол, грязный после долгого пути и пробежки от машины до дверей бара. В одном месте красовалось шоколадное пятно – видимо, уронила конфету.

– В курсе, – ответила я и дотронулась до мягкой ткани.

– Тогда ладно. Горячий сэндвич с сыром уже на подходе.

«Последняя капля»

Синхронизация – приведение системы в такое состояние, при котором все ее части работают параллельно во времени, то есть синхронно. Взаимодействие элементов, обычно существующих независимо друг от друга.

В физике это называется одновременность. В музыке – ритм.

В жизни – полное фиаско.

На подъездную дорожку, ведущую к дому родителей, я свернула уже за полночь. От усталости и выпитого вина кружилась голова. Я скоро пожалела, что не согласилась переночевать у Финна в Хилдсбурге и отправиться к родителям на следующее утро – в более подобающем виде. Однако после такого дня, какой выпал на мою долю, хотелось оказаться в своей детской постели с фланелевыми простынями и подушками в форме сердца.

На повороте стоял небольшой деревянный указатель, на котором от руки было вырезано: «Винодельня «Последняя капля». Основана в 1979 г.». По обеим сторонам от дороги раскинулся виноградник – двадцать акров земли. Повсюду лозы, густо усыпанные сочными ягодами, и полевые цветы. Впереди, на вершине холма, виднелся желтый дом в стиле «искусства и ремесла»¹.

Живописный, уютный дом с ярко-красной дверью, большими ставнями и цветами на подоконниках. Вдоль всего заднего фасада тянулся ряд эркеров с видом на десять акров виноградника, с которых все началось. С видом на маленький домик в две комнаты – хибару винодела, где каждый день работал отец.

Я выключила зажигание и так и осталась сидеть в машине, глядя на дом. Везде темно, только в спальне родителей горит свет. Странно, что они до сих пор не спят. Хотя, скорее всего, не спит только мама – читает в постели. Она не ждет моего приезда. Не услышит, как я войду.

Я вылезла из машины и направилась к парадному входу. Достала из цветочного горшка запасной ключ и отперла дверь. Если родители что-нибудь услышат, то именно сейчас: красная дверь страшно скрипит. Все дети семьи Форд знают это еще с тех пор, как впервые попытались незаметно проникнуть в дом после комендантского часа.

Я закрыла за собой дверь и улыбнулась своей маленькой победе: в доме было по-прежнему тихо. Первая спокойная минутка за весь день...

Я стояла в темной прихожей, наслаждаясь тишиной и вдыхая знакомые запахи: смесь лимона и фрезии – так пахло чистящее средство, которым пользовалась мама, – и доносящийся с улицы аромат ночного жасмина. Мама всегда оставляла окна открытыми, чтобы впустить ветерок. Такого ветерка в Лос-Анджелесе не найти, отчего Лос-Анджелес казался далеким-далеким.

Я прошла на кухню, не зажигая свет и ведя рукой сначала по разделочному, потом по обеденному столу. Рядом с раковиной громоздилась оставшаяся после ужина посуда: тарелки, два бокала и недопитая бутылка вина.

Я решила заняться чем-нибудь общественно полезным и начала собирать грязную посуду.

Тут-то я его и увидела – огромный шатер из некрашеной парусины. Он стоял рядом с джакузи и занимал весь патио вместе с двором. В этом самом шатре мне предстояло выйти замуж. Через восемь дней. Или семь? Все-таки перевалило за полночь...

¹ «Искусства и ремесла» – художественный стиль, зародившийся в конце XIX века в Англии и популярный в Америке в начале XX века. Возник как протест против шаблонности и массового производства.

С оглушительным визгом в мою жизнь снова ворвался Лос-Анджелес. Причем в буквальном смысле: темноту разорвал звонок мобильного.

Я машинально ответила – не хотела будить родителей. Не хотела их напугать.

– Только не вешай трубку.

Бен. При звуке его голоса меня бросило в дрожь.

– Тогда перестань мне звонить, – ответила я.

– Не могу.

Мне нравилась его манера говорить. Сразу ясно, что он за человек: спокойный, искренний, родом из Великобритании. Я всегда обожала мужчин с акцентом, поэтому называю это качество в последнюю очередь, чтобы меня не сочли легкомысленной. До нашей первой встречи мы целый месяц общались по телефону. Бен, архитектор по профессии, жил тогда в Нью-Йорке. Я работала юристом по вопросам недвижимости, и моя фирма занималась одним из его проектов: Бен собирался построить современное офисное здание в деловой части Лос-Анджелеса. Мы влюбились по телефону, беседуя на самые неромантичные темы в мире. Сначала разговаривали о разрешениях на строительство и счетах, потом – обо всем на свете.

– Джорджия, позволь мне объяснить. Я не утверждаю, что у меня есть достойное оправдание. Просто все не так, как ты думаешь.

– Спасибо, не надо.

– Это какое-то безумие. Я люблю тебя. Ты же знаешь, что люблю. Мы с Мишель расстались давным-давно – еще до нашей с тобой встречи. Но Мэдди...

Я нажала на отбой.

Имя «Мэдди» звучало слишком реально. У нее есть имя. Еще десять часов назад этой девочки не существовало, а теперь у нее есть имя.

Еще десять часов назад я была счастлива. Опаздывала, но была счастлива. Я вбежала в «Свадебное ателье Стеллы», что в районе Сильвер-Лейк, на двадцать минут позже назначенного срока. Приехала на последнюю примерку свадебного платья, которое Стелла полностью сшила сама: юбка годе, спущенное плечо, шелковисто-белые кружева шантিলьи и складки испанского тюля.

Мне нравилось, как юбка плотно облегает бедра и расширяется книзу наподобие русалочьего хвоста. Нравилось, как рукава скругляют плечи. Когда Стелла наконец-то простила меня за опоздание, я продефилировала в своих атласных туфлях на каблуках через все ателье и поднялась на пьедестал, чтобы она могла подшить подол.

Я встала на пьедестал рядом с окном и приняла эффектную позу. Стелла улыбалась и подзадоривала меня.

– Поставь руки на бедра, – велела она, наслаждаясь восхищенными взглядами, которые бросали на нас прохожие.

И тут я увидела своего жениха.

Бен шел по улице с незнакомой мне женщиной. И не просто женщиной, а сногшибательной красавицей с длинными рыжими волосами и обворожительной улыбкой. Рядом семенила ее миниатюрная копия – рыжеволосая малышка лет четырех-пяти.

Но мое внимание привлекла сама красавица. Я знала, что где-то ее видела. Однако прошло некоторое время, прежде чем я сообразила где. Прежде чем мне напомнила Стелла. Появление жениха волновало меня в ту минуту куда меньше.

Беда была в другом.

Беда случилась, когда я постучала в стекло, пытаясь привлечь внимание Бена. Я хотела, чтобы он обернулся. Хотела увидеть его лицо – крепкий подбородок, выдающиеся скулы, несуразную ямочку. Я не сомневалась: существует разумное объяснение, почему мой жених прогуливается в обществе этой женщины. То утро мы провели в постели, в нашем общем

доме – ели шарлотку с персиками, смеялись, раздевали друг друга... Через восемь дней мы собирались пожениться и были безумно влюблены.

Однако Бен не обернулся. Он продолжал идти по направлению к Сансет-Джанкшн. Женщина беззаботно шагала рядом с ним, девочка – рядом с ней.

А потом эта рыжеволосая красавица наклонилась к Бену, к моему жениху, и положила руку ему на талию, как будто ей там самое место. Меня словно током ударило. Я выскочила на улицу – прямо в неподшитом свадебном платье.

Я подхватила кружевную юбку, чтобы не мелась по земле. Стелла выбежала вслед за мной.

– Бен! – окликнула я.

Бен, женщина, девочка – все трое разом обернулись.

Стелла у меня за спиной произнесла имя красавицы, и тут я поняла, откуда ее знаю. Это же Мишель Картер, знаменитая британская актриса, которую я столько раз видела на обложках американских журналов. Вблизи она оказалась легкой и воздушной, как обезжиренный йогурт.

Бен посмотрел на меня. Мишель посмотрела на меня. Девочка посмотрела на Бена.

– Папа... – пропищала она.

Позвольте остановиться здесь.

На реплике Мэдди.

Реплике, обращенной к Бену.

Позвольте остановиться здесь и не рассказывать, как Стелла нагнулась и сгребла в охапку мой кружевной подол, как сама я глядела на девочку, хорошенькую маленькую девочку, а она – на меня.

Прохожие останавливались, глазели на Мишель и указывали на нее руками.

Бен в полнейшем ужасе кинулся ко мне. Он произнес всего два слова, но не те два, о которых вы, наверное, подумали. Он не сказал: «Прости меня», «Это неправда» или «Я объясню».

Он сказал:

– Потрясающе выглядишь!

И все. Как будто больше ничего не понял. А если правда не понял? Значит это что-нибудь или нет?

* * *

Десятью часами позже я сняла атласные туфли на каблуках и пошла вверх по лестнице, придерживая неподшитый подол, чтобы не споткнуться. Хотелось поскорее юркнуть в свою комнату.

Телефон снова зазвонил – заревел на весь дом.

– Не вешай трубку!

– По-моему, мы это уже проходили.

– Ты ведь ответила? Значит, тебе все-таки хочется меня выслушать.

Бен был прав. Я могла бы отключить телефон, но не сделала этого. Не хватило духу. В глубине души мне хотелось, чтобы мой жених сочинил какую-нибудь историю. Чтобы все опять стало хорошо, а он снова превратился в родного, знакомого Бена.

Я села на верхнюю ступеньку. Расправила подол.

– Пойми, я узнал о Мэдди всего пару месяцев назад...

– О твоей дочери?

– Да, – сказал Бен, помедлив. – О моей дочери.

– Сколько ей?

– Четыре с половиной.

Он сделал ударение на слове «половина», и я понимала почему.

Мы познакомились пять лет назад. Половина означала, что Мэдди была зачата еще до меня. До нас.

– Естественно, я не собирался скрывать от тебя вечно, но с Мишель очень непросто. Я хотел все уладить, прежде чем втягивать в это тебя.

– В каком смысле непросто?

Повисло молчание.

– Очень непросто, – произнес наконец Бен.

Я встала. С меня хватит. Не желаю больше выслушивать объяснения, которые ничего не объясняют. Не желаю чувствовать, как сердце колотится где-то в горле.

– Послушай, – снова заговорил Бен, – я не хочу, чтобы ты совершила какой-нибудь необдуманный шаг. У нас через неделю свадьба.

– Не уверена.

Бен умолк.

– Именно это я имел в виду под необдуманным шагом, – произнес он наконец.

Голос у Бена звучал совершенно убито. Мне вспомнился наш первый телефонный разговор. Бен только что стал клиентом нашей фирмы, и я позвонила, чтобы познакомиться. А незадолго до моего звонка у него украли велосипед. Тогда я еще не знала, что Бен ездил на нем лет десять, не меньше. Это было не столько средство передвижения, сколько необходимый придаток. И все-таки к концу беседы мой будущий жених уже смеялся и шутил. Велосипед, как и грусть, остался в прошлом. Благодаря мне – так он сказал. Даже теперь, несмотря ни на что, какой-то части моей души по-прежнему хотелось сделать его счастливым.

– Где ты? – спросил Бен. – Давай я приеду, и мы поговорим.

Я рассеянно огляделась – возможно, потому что Бен спросил, где я. Слева – широко открытая дверь в мою комнату. Справа – спальня родителей.

А на пороге – мужчина. Высокий, грузный. И совершенно незнакомый.

Его бедра были обернуты полотенцем.

Рядом, укутанная в точно такое же полотенце, стояла мама.

Рядом с чужим мужчиной.

Я выронила телефон.

– Мамочки! – взвизгнула я.

– Мамочки! – взвизгнула мама.

Мужчина попятился обратно в спальню, в которой, похоже, чувствовал себя как дома. Потом раздумал отступить и протянул мне руку.

– Генри, – представился он.

Ноги у меня приросли к полу, но я все же пожала протянутую руку, как будто ничего особенного не происходило.

Мама в ужасе поднесла пальцы ко рту. На миг мне почудилось, что ее мучает стыд. Но тут она дотронулась до моей щеки сначала тыльной, потом внутренней стороной ладони и прошептала:

– Что ты сделала со своим платьем?!

Касательно Генри

Если бы я составляла рейтинг – придет же такое в голову! – этот день явно не мог бы претендовать на звание лучшего в моей жизни.

Я сидела в столовой вместе с мамой. Мы обе переоделись в джинсы и футболки с длинным рукавом, а мое платье перекинули через дверь. Между нами висело неприязненное молчание.

Генри ушел. Мама попрощалась с ним на крыльце, пока я стояла и ждала, чтобы он отчалил. Точно такая же история произошла со мной в выпускном классе, когда за мной ухаживал татуированный хулиган Лу Эммет. Только теперь мы с мамой поменялись ролями.

Она налила себе кофе, избегая смотреть мне в глаза. Заговаривать я не собиралась. В другой раз я бы наклонилась к ней через стол, попробовала как-то облегчить тяжелый разговор, но только не сегодня. Маме придется первой нарушить молчание – придется придумать, как все объяснить.

Я разглядывала фотографии, висящие у нее за спиной, на которых была запечатлена вся их с папой совместная жизнь – начиная с маминого переезда на виноградник и даже еще раньше. На моей любимой фотографии мама в длинном черном платье, тогда еще виолончелистка в Нью-Йоркском филармоническом оркестре, улыбалась на камеру, прижимая к себе инструмент. Сидящая передо мной женщина удивительно напоминала девушку на снимке: те же длинные кудрявые волосы, широкие скулы, чуть скошенный на сторону нос. И по-прежнему ни грамма косметики – мама в ней не нуждалась.

Рядом с этим портретом висела фотография, на которой я играла в софтбол. Я росла настоящей пацанкой – не хотела отстать от братьев. Носила только футболки и кеды, а волосы собирала в простой хвост. И все же сходство было разительное: те же кудри, только темные, тот же нос. Глаза темно-зеленые, как у отца, а разрез мамин.

Мама говорила, что я ее точная копия, только папиной расцветки. Однако переезд в Лос-Анджелес меня преобразил. Этот город меняет всех – незаметно, понемногу, пока ты не перестаешь сама себя узнавать. Вращаясь среди роскошных женщин, частых гостей на занятиях по йоге и вечеринках, я начала обращать внимание на то, о чем не задумывалась раньше. Возможно, если бы я переехала из Сономы в Нью-Йорк или Чикаго, эффект был бы тем же. Но я переехала именно в Лос-Анджелес, где и постигла искусство, которому не научишься, живя среди фермеров. Искусство выглядеть и чувствовать себя сексуальной.

Мое преображение прослеживалось по фотографиям на стене. Мама шутила, что из более темной ее копии я превратилась в более гламурную – этакую кинозвезду. В ответ я уверяла, что сравнения с настоящими кинозвездами мне не выдержать: чтобы убедиться, достаточно пройти по бульвару Эббота Кинни. Впрочем, я действительно выглядела теперь по-другому, чем немного гордилась.

Солнце Южной Калифорнии осветлило мои волосы, я сбросила десять фунтов и стала одеваться так, словно имела какое-то представление о вкусе.

Под руководством и по настоянию подруги Сюзанны я однажды купила туфли, которые стоили больше моей месячной квартплаты. На следующий день, мучимая угрызениями совести, я попыталась их вернуть, но магазин не принимал товары обратно. Это были волшебные туфли – изящные, на шпильках, удлиняющие ноги до бесконечности. Я не пожалела, что оставила их себе. Они пережили мою тогдашнюю квартиру, как и все следующие.

Всякий раз, как я приезжала в гости, мама говорила: «Какая же ты стильная!» Впрочем, я знала, что она не одобряет столь резкого перехода от собранных в хвост волос к узким юбкам. Мама была уверена, что стиль должен даваться легко и естественно. При виде очередной обновки она присвистывала и с лукавой улыбкой произносила: «Только поглядите на

эту лос-анджелесскую броню!» А утром, когда я, как в детстве, сбегала по лестнице на запах маминых вафель с грецким орехом и вишней, она первым делом дотрагивалась до моей кожи и говорила: «Красавица!»

Разница между двумя моими домами была столь велика, что необходимость постоянно перестраиваться вызывала у меня легкое чувство одиночества. В Сономе носили джинсы, флисовые пуловеры и практичные сапоги. В Лос-Анджелесе – босоножки и тертые джинсы, искусственно состаренные за двести семьдесят пять долларов. Я балансировала на грани между двумя этими мирами, не в силах обосноваться ни здесь, ни там. В Лос-Анджелесе я чувствовала себя не в своей тарелке. А когда возвращалась в Соному, мое новое, наскоро сколоченное я, у которого якобы все под контролем, осуждало местную неутонченную, сельскую жизнь, чего раньше со мной никогда не бывало. Я не хотела никого осуждать, но ничего не могла с собой поделать.

Когда я оторвала взгляд от фотографий, мама посмотрела на меня в упор и скрестила на груди руки.

– Нечего стоять немым укором.

Я не стала уточнять, что не стою, а сижу немым укором.

– Мама, из твоей спальни вышел голый мужчина!

– Кто же приезжает посреди ночи без предупреждения? Давно пора сделать в твоей комнате ремонт, а то ты считаешь, будто здесь ничего не меняется.

– Я считаю, что ты не должна спать ни с кем, кроме папы.

– Я с ним и не сплю.

– Что? – растерянно переспросила я.

– Генри, если хочешь знать, импотент.

Я зажала уши руками.

– Не хочу знать! Хочу вернуться в прошлое и услышать что угодно, только не это!

– Ну извини, извини. Я только пытаюсь объяснить, что все не так просто, как кажется.

Непросто. То же слово употребил Бен. Проблема в том, что в их устах оно звучало слишком абстрактно: «Все непросто». «С Мишель непросто». В действительности же они сами виноваты, что все стало непросто. И оба предпочитают об этом умалчивать.

– Где папа?

– Мы решили пожить отдельно. Папа в домике винодела – перебрался туда еще две недели назад. Впрочем, во время сбора урожая он всегда там ночует.

Ее слова прозвучали довольно язвительно, но я предпочла этого не заметить.

– Из-за Генри?

– Я же говорю: просто решили пожить отдельно.

Я взглянула в окно на залитый светом фонарей виноградник и дорожку, ведущую к домику винодела. Где-то там, в одной из двух комнат, спал отец. Когда я была маленькой, я часто ночевала во второй комнате, а утром, еще до школы, вместе с папой шла собирать первые ягоды. Я обещала, что мы с братьями продолжим дело его жизни, и действительно в это верила. В детстве больше всего на свете мне хотелось управлять виноградником. И вот я бросила отца одного... Впрочем, мы все, каждый по-своему, его бросили.

– Почему ты ничего мне не говорила?

Мама взяла со стола чашку с кофе.

– Мы решили не рассказывать до свадьбы – не хотели портить тебе праздник.

Похоже, мы с Беном сами его испортили. Без посторонней помощи.

– От Финна с Бобби я тоже старалась скрывать. У них своих проблем хватает.

– Каких еще проблем?

Мне вспомнился визит в «Таверну»: отсутствие Бобби, странное поведение Финна, когда речь зашла о брате.

– Сейчас не стоит, – покачала головой мама. – Подождем, пока они приедут, чтобы ты смогла выслушать обе стороны.

Когда это все члены семьи успели оказаться по разные стороны баррикад?.. Хотелось расплакаться. Еще и Бен, единственный человек, способный помочь мне вновь обрести равновесие, сам же меня из равновесия и вывел.

Мама прочистила горло и воспользовалась паузой, чтобы сменить тему.

– Не расскажешь, что случилось?

Я покачала головой.

– Он сделал что-то непростительное?

– Что это за вопрос такой?

– Неудачный, наверное. Предложи другой, и я с удовольствием его задам.

По дороге домой мне представлялось, что мы с родителями сядем за стол и поговорим. Мы всегда так делали, когда нужно было определиться, какой колледж выбрать, где найти деньги на учебу, как пережить очередную несчастную любовь. А выходит, мы больше никогда не будем сидеть тут вместе...

– Джорджия...

Я подняла голову.

– Может, ты сделала что-нибудь непростительное?

– Нет. И перестань, пожалуйста, повторять это слово.

– Хорошо, спрошу иначе. У него появилась другая?

У мамы измена считалась чем-то непростительным. По крайней мере, раньше.

– Да, появилась. Ей четыре с половиной.

Мама непонимающе взглянула на меня.

– У Бена есть дочь, о которой он никогда не рассказывал.

Последовало молчание – затишье перед неизбежной бурей. Мама не выносит обмана. Насмешливая, раздражительная, упрямая, она прежде всего удивительно искренняя и требует того же от своих близких.

Мама снова поднесла чашку к губам.

– Уверена, этому есть объяснение.

– Ты серьезно? Я только что сказала, что у Бена есть дочь, которую он от меня скрывал! Я узнала случайно – увидела в окно во время примерки платья, как он идет по улице с ее матерью.

– Понимаю. Это ужасно. Особенно, что он от тебя скрывал. Но, возможно, у него были причины молчать.

И все? В прежние времена, в эпоху до Генри, мама потребовала бы крови. Она бы металась по столовой и рассуждала о принципах. Так было, когда моя лучшая подруга проникла в ресторан родителей и устроила бесплатную вечеринку в честь своего дня рождения. Когда я объяснила, как это случилось, мама ответила, что тут не может быть никаких объяснений. Либо ты ведешь себя порядочно, либо нет.

Где теперь та мама? Почему не кричит и не возмущается, что Бен мне солгал? Почему не возьмет на себя эту роль, чтобы я могла исполнить свою и почувствовать к Бену сострадание, защищая его от ее чрезмерного гнева?

Я встала.

– Не могу больше об этом. Пойду спать.

– Что же, иди.

Я направилась к двери, совершенно измотанная нескончаемым днем.

– Генри – мой старый друг, – внезапно заговорила мама. – Мы познакомились еще в Нью-Йорке. Его недавно назначили дирижером Симфонического оркестра Сан-Франциско.

Я повернулась к ней, но осталась стоять на пороге.

– Генри в Калифорнии всего несколько месяцев. Я рада, что он приехал. Приятно снова почувствовать себя частью того мира...

Мама казалась раздавленной, произнося последние слова – вспоминая, кем была когда-то. Мне захотелось ответить, что она по-прежнему часть того мира: мама много лет работала учительницей музыки в местной школе. Но невозможно убедить человека в том, чего он не желает видеть.

– А при чем тут ваши с папой отношения?

– Я сейчас говорю не о папе. Я говорю о нас с тобой. Ты, как и я, вечно пытаешься заботиться обо всей семье, вместо того чтобы разобраться, чего на самом деле хочешь. Не должна хотеть, а именно хочешь.

Я рассмеялась – не смогла удержаться.

– По-моему, ты сейчас не в том положении, чтобы давать мне советы по поводу личной жизни.

Мама встретила со мной взглядом.

– А по-моему, я в отличном положении. Никто лучше меня не видит, какой ты замечательный человек. Ну разве что Бен. – Она помолчала, а потом добавила: – Хорошенько подумай, прежде чем от чего-то отказываться.

Я скрестила руки на груди, вопреки желанию пытаюсь понять, что она имеет в виду.

– Потому что потом утраченного будет не вернуть?

Мама подошла и стиснула мое плечо.

– Нет. Потому что в итоге ты пойдешь на все, лишь бы его вернуть.

Я подождала, пока она поднимется по лестнице, и тоже направилась наверх.

Прежде чем исчезнуть за дверью спальни, мама произнесла вместо «спокойной ночи»:

– Не знаю, интересно тебе или нет, но я рада, что ты дома.

Сказать о себе того же я не могла.

Договор

Меня разбудили звуки сонаты Баха для виолончели. В окно лился яркий солнечный свет. И то и другое настойчиво призывало подняться с кровати. В детстве я просыпалась так почти каждое утро: папа настаивал, чтобы мы вставали вместе с солнцем, а мама отводила первые полчаса своего дня на то, чтобы немного попрактиковаться – не хотела утратить технику.

Я любила теплые звуки маминой виолончели, приветствующие меня по утрам. Однако после вчерашнего разговора они действовали на меня как-то странно: в голове в такт музыке носились образы голого Генри.

Я перевернула весь чемодан в поисках подходящих джинсов и свитера, сокрушаясь, что привезла с собой так мало одежды. Увы: ничего, способного защитить от утреннего тумана или полуденной жары. Из обуви только балетки. Мои любимые сапоги остались в Лос-Анджелесе. Все осталось в Лос-Анджелесе.

Мне хотелось поскорее выскользнуть из дома, чтобы не встречаться с мамой. Я так спешила, что чудом заметила записку, которую она оставила на разделочном столе: «Кофе в кофеварке. Банановые кексы в холодильнике. Вчерашние, но очень вкусные».

Я налила себе кофе, взяла кекс и направилась к домику винодела, чтобы найти отца.

Самое начало десятого – прекрасное время в винограднике. Небо было ярко-голубое, туман начинал рассеиваться и уже пропускал солнечный свет и тепло. Я шла через сады, защищающие почву от эрозии. Между лозами росли полевые цветы, покрывая землю фиолетово-зеленым ковром.

Я остановилась, чтобы осмотреть лозы и дотронуться до побегов. Тут же накатило чувство, охватывавшее меня только в винограднике, – смесь радости, волнения и чего-то еще, чему я не знала названия. Нечто подобное испытываешь, когда снова встречаешь любимого человека, с которым давным-давно расстался.

Пока мне не исполнилось четырнадцать, я бредила виноградником – повсюду ходила за отцом по пятам, готовая выполнять самые будничные обязанности: обвивать лозы вокруг шпалер, осматривать ягоды, готовить травяные подкормки для почвы. Когда папа возился с компостом, я тут же присоединялась к нему – просто чтобы почувствовать себя причастной. До школы и после школы мы обсуждали вина и урожаи разных лет. Папа водил меня в винные подвалы и давал попробовать сцеженное вино, а также то, которое только предстояло сцедить. Вслух он ничего не говорил, но я знала: его радует, что я хочу заниматься виноделием.

А потом настал день, когда я разом охладела ко всему, связанному с виноградником.

Тот же виноградник, те же пятьдесят акров земли, которые приносили мне столько радости, теперь удушали, а не дарили свободу.

Перемена эта произошла после двух неурожая подряд. Сначала ливень сбил ягоды задолго до того, как они созрели. На следующий год дым лесных пожаров осушил воздух Сономы, и виноградник сгорел на солнце. Много лет дела у нас шли довольно сносно, двух неурожая подряд не случалось давно – уж точно не на моей памяти. И вот появилась опасность лишиться виноградника.

До сих пор тяжело вспоминать те две ужасные зимы. Папа с мамой старались не показывать, как сильно боятся потерять все, что создали. По ночам, когда мы с братьями давно должны были спать, родители пили на кухне кофе и тихо разговаривали. Лучше бы они кричали. Я сидела по другую сторону двери, прислушиваясь к их приглушенным голосам и понимая, что ничем не могу помочь.

При всяком удобном случае я старалась вырваться в Сан-Франциско. Как-то раз упростила отца свозить меня на выставку световых инсталляций. По дороге у нас сломалась машина, и пришлось добираться до города на такси. После выставки мы немного прогулялись – прошли мимо здания парома и причала и углубились в шикарный район Пасифик-Хайтс. Из маленького джазового клуба доносился голос старой-престарой женщины, исполняющей что-то из Гершвина. Звучит до нелепого романтично, но именно так все и было. Я влюбилась в шум города, в ругающихся и смеющихся на улице людей, в старуху, которая пела Гершвина. Меня пленила не атмосфера Сан-Франциско, а именно городской шум. Внезапно моя прежняя жизнь – горе родителей, виноградник, вся Сонома – показалась чересчур тихой.

Следующее лето я провела с двоюродной сестрой, у которой была адвокатская контора в Сан-Франциско. Эта красивая элегантная женщина взяла меня под крыло и показала, что такое большой город: кофейни и небоскребы, улицы и книжные магазины, модные туфли и сигареты на вечеринках. Даже пригласила меня в свою контору на стажировку.

Сестра предупредила, что будет скучно, но я приняла эту перемену с облегчением. Юриспруденция точна и определена. Чтобы добиться успеха, не нужно участие почвы, плодов, ветра, солнца и неба. Я столько лет наблюдала, как отец полностью зависит от милости земли и погоды, что ощущение контроля меня опьянило.

Если в винограднике все шло хорошо, это было прекрасно. Однако два неурожая подряд произвели опустошающий эффект. Особенно когда я поняла, что подобное случалось и раньше. После поступления в колледж я узнала, что родители не раз бывали на грани банкротства, когда казалось, что единственный выход – сдаться.

Мой путь был куда менее непредсказуемым, и я считала, что это хорошо.

Может, так бывает у всех подростков? Ты спешишь, выбираешь противоположный путь, хочешь, чтобы детство поскорее кончилось. А потом вырастаешь и не можешь понять, куда так торопился – от чего пытался сбежать.

* * *

Дверь домика была незаперта, внутри никого.

– Папа! – позвала я.

Нет ответа.

Я толкнула дверь и вошла. Расположилась в маленькой гостиной. Отец, должно быть, где-то в винограднике. Лучше подождать, пока он закончит с уборкой урожая и передохнет. Виноград собирают с двух ночи до десяти утра, при свете фонарей, когда нежарко. В большинстве виноградников работниками руководит управляющий, однако отец предпочитал всем заниматься лично.

Я решила не разыскивать отца в винограднике или у тиражного стола, где он следит за работой, сортирует виноград, отбирает качественный. Боялась помешать, а может, не особо стремилась к этой встрече.

Если честно, я просто не хотела шпионить за отцом. Лучше посидеть в гостиной с распахнутыми настежь окнами, в которые льется солнечный свет, и как следует насладиться чашкой остывающего кофе и целым банановым кексом.

Я так неосторожно опустила чашку на журнальный столик, что пролила кофе. Прямо на столик. Прямо на огромную стопку папок. Папок с пометкой: «Винодельня «Марри Грант». Продажа виноградника».

Салфеток под рукой не оказалось, поэтому я принялась вытирать мокрые папки о футболку. Впрочем, вряд ли они стоили таких хлопот.

Отец ненавидел винодельню «Марри Грант». И не он один. Большинство мелких виноделов Сономы ее ненавидели. Продукт там выпускали довольно средний, а к виноделию относились как к средству заработка. Конечно, виноделие и есть средство заработка. Но ведь и нечто большее.

Наверное, документы – просто почтовая рассылка. Отец хочет быть в курсе, чем занимается «Марри Грант». Оно и понятно: это одна из крупнейших виноделен долины Напа. Ежегодно она производит пять миллионов ящиков вина. Отец – пять тысяч.

Вытирая вторую папку, я наткнулась на серию длинных, пространных договоров и не поверила своим глазам. Не может быть, что в них на самом деле говорится то, что говорится. Однако я работала юристом по вопросам недвижимости – мне случалось оформлять и более сложные сделки. Сомнений быть не могло.

«Передача прав собственности на виноградник «Последняя капля» винодельне «Марри Грант».

В ушах застучала кровь, мешая сосредоточиться и осмыслить прочитанное.

– Ну и ну!

Я подняла голову и увидела Бобби. Он стоял на пороге в темно-синем костюме – галстук перекинут через плечо, на лице улыбка. Эта улыбка, которую в другой день я назвала бы обворожительной, сегодня показалась мне самодовольной усмешкой.

У Бобби талант появляться в тот самый момент, когда мне срочно нужно выплеснуть на кого-нибудь негодование. Может, именно поэтому мы не ладим?

– Ты почему дома? Кстати, не можешь выйти замуж, скажем, минут через десять? У меня имеется два симпатичных и очень нетерпеливых мальчика, которые жаждут подносить кольца.

Я по-прежнему стояла с папками в руках, так и не поздоровавшись.

– Ты знал?

Я показала брату договоры. Его улыбка тут же исчезла.

– Знал о чем?

Бобби запустил обе руки в свои светлые кудри – такие же, как у мамы. Он считал, что они придают ему ангельский вид. На самом же деле ангельский вид ему придавали обгрызенные ногти. Бобби грыз их с детства, и это нравилось мне в брате больше всего.

– Мама с папой продают виноградник, – объявил он таким тоном, словно это нечто само собой разумеющееся – словно речь о машине.

Я села, раскрыла папки и попыталась разобраться, далеко ли зашли переговоры. Увы – на последней странице уже стояла заверенная подпись отца, а рядом – подпись некого Джейкоба Маккарти, исполнительного директора винодельни «Марри Грант».

– Папа не хотел сообщать тебе до свадьбы.

Бобби стоял слишком близко – подмывало чем-нибудь в него запустить. На глаза попался банановый кекс...

– Что это случилось с бумагами? – поинтересовался брат, нервно покусывая ноготь.

Я слегка отодвинулась.

– Чего ты расстраиваешься? Все отлично. Отцу больше не придется работать. «Марри Грант» сделала ему такое предложение, какое получают только раз в жизни.

– Ты хоть соображаешь, что говоришь?

– По-моему, это ты не соображаешь, что говоришь.

Если бы взгляд мог убить, я бы его убила. Прямо на месте. В этом весь Бобби. Холоден и логичен, как робот. Иногда он упражняется в проявлении чувств, – может, например, уронить на свадьбе одну скупую слезу, – но никогда не отдается им с головой. Именно поэтому Бобби достиг такого успеха в бизнесе. Именно поэтому не умеет проявлять интерес к чему-либо еще.

- С каких это пор родители думают о прибыли? – набросилась я на брата.
- Да все о ней думают! И вообще, на меня-то зачем кричать?
- Я не кричу!
- Нет, кричишь!
- Вы оба кричите.

Мы обернулись: на пороге стоял отец, одетый в джинсы с футболкой. Он выглядел моложе своих лет – загорелый, с густой копной темных волос, липнущих к потному лбу. В руках у него были термос и банка с виноградом.

Я уронила папки на стол – прямо на мокрую кучу бумаг.

Отец тут же почувствовал мое напряжение. Он не стал спрашивать, когда я приехала и что мне известно о них с мамой. Он сразу все понял и уже пытался придумать, как бы меня утешить.

– Папочка! – Я не называла его так с самого детства. – Пожалуйста, скажи, что это неправда!

Отец стиснул плечо Бобби вместо приветствия, сел рядом со мной и поставил банку с виноградом на стол. Потом обнял меня и поцеловал в макушку.

Выждав с минуту для убедительности, он произнес:

- Это неправда.

Садовые ножницы

– Именно этого хотим мы с мамой, – сказал отец. – Честное слово.

Мы находились на северо-западе виноградника. Участок в двадцать акров, расположенный дальше всего от дома, отец купил в последнюю очередь. Купил втридорога в надежде, что прекрасная плодородная почва будет давать виноград с более легким фруктовым вкусом, чем тот, который он выращивал при западном освещении.

В восьмом блоке мы опустились на колени и принялись срезать спелые грозди. Здесь рос виноград, из которого производили «Си-бемоль» – наше с Бобби любимое вино. Из ягод с тех же склонов делали «Опус 129» – одно из наиболее востребованных вин отца, которое мне казалось резким и слишком жестким. Как один и тот же виноград может давать два таких разных вина – загадка, понятная только отцу. Он считал, что ничего удивительного здесь нет: виноград ведет себя по-разному в зависимости от того, как подвергнуть его брожению – вернее, как позволить ему бродить.

Обычно днем виноград не собирают: есть опасность, что на солнце сок из раздавленных ягод начнет бродить. Однако отец измерил в плодах содержание сахара и решил не ждать до вечера.

Именно этим отец и занимался – измерял содержание сахара, – когда я узнала, что он намерен отказаться от всей своей привычной жизни.

– Винодельня «Марри Грант» сделала мне отличное предложение, – снова заговорил отец.

– Ты же ее ненавидишь!

– Я не хочу никого ненавидеть, – ответил он и улыбнулся своей обычной теплой улыбкой.

Отец сделал мне знак не отвлекаться. Его руки проворно ходили туда-сюда, щелкая секатором и бросая грозди в ведро. Я работала вполсилы, а он хотел поскорее снять виноград с лозы и отправить в более прохладное место.

– За работу. Поговорим потом.

– Но я хочу поговорить сейчас!

– Тогда не отставай.

Я начала работать быстрее, осторожно срезая грозди, стараясь не дотрагиваться до горячих ягод, чтобы от моих рук они не нагрелись еще сильнее. На самом деле помощь отцу не требовалась: в винограднике и так трудилось пятеро работников. Ему просто надо было чем-то себя занять. Отец изображал бурную деятельность, чтобы я не заметила, как он расстроен.

Но я все равно заметила. Всю жизнь отец работал на свежем воздухе – занимался любимым делом. Загорелый, крепкий, с ясным взглядом и сияющей улыбкой, он казался вечно молодым – скорее старшим братом Финна, чем отцом. Поэтому перемена сразу бросалась в глаза: взгляд потух, лицо осунулось. Я видела, каких усилий ему стоит просто улыбнуться.

– Все сошлось один к одному, – продолжил отец. – Сам я ни о чем таком не думал. Но мама давно хотела что-нибудь поменять в нашей жизни, чтобы не сидеть в Северной Калифорнии, как на привязи. А тут ко мне обратился Джейкоб...

– Кто он такой?

– Сын Марри и Сильви, – подал голос Бобби.

– Я спрашивала папу, а не тебя.

– Что, уже и ответить нельзя?

Бобби озадаченно покосился на меня, не понимая, чего я так на него взъелась. Он недоумевал, почему я веду себя, как Финн, ведь я давно уже остепенилась и стала больше

похожа на него самого: окончила юридический факультет, работала юристом, собиралась выйти замуж за солидного, состоявшегося человека.

– Не сын, а внук Марри и Сильви, – поправил отец.

Я хорошо знала эти имена – часто слышала в детстве. Марри и Сильви – основатели винодельни «Марри Грант». Вернее, основал ее отец Марри, но при них производство приобрело промышленные масштабы. Компания стала известна по всей стране, а потом и за границей. Их дочь Мелани была примерно десятью годами старше наших родителей. Еще в молодости она переехала в Нью-Йорк и вышла за финансиста с Уолл-стрит. Фамилия мужа, судя по всему, Маккарти. Сына зовут Джейкоб.

Бобби как ни в чем не бывало продолжал работать. Он срезал очередную гроздь, внимательно оглядел и бросил в ведро – в точности, как учил нас отец. Все мы делали это почти на автомате.

– Марри решил уйти на покой, поэтому в прошлом году Джейкоб переехал в Напу. Почти всеми делами теперь заведует он. Смекалистый парень. И очень приятный.

– Не сомневаюсь, – ответила я, хотя еще как сомневалась.

– Что же тебе не нравится? – сердито осведомился Бобби.

Я оставила его вопрос без ответа и снова обратилась к отцу:

– Не понимаю, почему ты принял такое важное решение, даже не посоветовавшись со мной.

– Мне показалось, что так будет лучше для всей семьи.

– И мы тебе благодарны, – вставил Бобби.

Я бросила на него негодующий взгляд. Брат ответил мне точно таким же.

– Чего? – буркнул он.

– А как же винодельня «Адлер»? – спросила я.

– А что винодельня «Адлер»? – с легким раздражением отозвался отец.

Это была маленькая биодинамическая винодельня рядом с долиной Александер-Велли. Владельцы, Бет и Саша, дружили с родителями. Потом ее приобрела винодельня «Севилья». Новые хозяева обещали, что будут верны принципам биодинамики и экологически рационального сельского хозяйства. Поначалу качество продукции действительно оставалось прежним. В первый год «Адлер» собрала лучший за всю свою историю урожай. Виноград получился душистее и спелее обычного, а вино из него обладало сладким фруктовым вкусом, который дают ягоды особенно теплых лет. Однако рожденный этим вином спрос пробудил в «Севилье» жадность. Компанию стали развивать слишком быстро – за качеством никто не следил. Затем вина «Адлер» появились во всех супермаркетах страны, специализирующихся на продаже биопродуктов. От прежнего вина осталась только этикетка.

– У нас все будет по-другому, – сказал отец.

– Откуда ты знаешь?

– Как это откуда знает? – встрял Бобби. – Знает, и все!

Мне захотелось вывалить содержимое ведра ему на голову.

– Джейкоб не собирается превращать «Последнюю каплю» в слово на этикетке, – снова заговорил отец. – Он хочет, чтобы наш виноградник стал образцово-показательным – моделью для всех подразделений «Марри Грант».

– А потом возьмет и перехочет.

– Не горячись.

Отец не любил выслушивать поучения, особенно от собственных детей. Однако он знал, что я права. Знал лучше меня самой. Может быть, именно поэтому перевел разговор на меня.

– У вас с Беном все в порядке?

Я рассмеялась, не зная, как ответить. Не потому ли я сегодня раздражительнее обычного, что мой любимый человек оказался лжецом? Возможно. Но разве это отменяет правоту моих слов?

Я окинула взглядом виноградник, куда отец вложил всю свою жизнь. Нигде я не чувствовала себя так умиротворенно, как здесь, рядом с ним. Речь ведь не только о винограде. Речь о земле, за которой отец ухаживал, чтобы делать вино. Речь о ферме и доме – обо всем, что он построил своими руками и чем так гордился. Речь о тех людях, кому он хотел все это отдать, – о людях, которым никогда не оценить его трудов.

И даже это не самое печальное. Отец собирался пожертвовать гораздо большим. Они с мамой оба собирались пожертвовать гораздо большим – друг другом.

– По-моему, сейчас неудачное время для принятия важных решений, – произнесла я.

Отец посмотрел прямо на меня. Так мы впервые дали друг другу понять, что знаем о маме с Генри.

– Не забывайся, малыш.

Он рассердился, что бывало с ним редко.

– Папа...

Я начала было извиняться, но он уже встал и направился к одному из работников.

– Продолжайте. Я сейчас вернусь.

Однако отец и не думал возвращаться. Он зашагал к тиражному столу, чтобы помочь работникам погрузить на него собранный за смену виноград, а потом изучить грозди и узнать, что они могут ему сообщить.

Я смотрела вслед уходящему отцу. Мне хотелось окликнуть его. Теперь я точно знала, что должна ему сказать: «Я люблю тебя и всегда буду рядом». Как можно было начать с чего-то другого?!

– Отлично! – буркнул Бобби, сердито глядя на меня. – Пора бы тебе научиться вовремя останавливаться.

Я уставилась на ведро с виноградом, злая сама на себя. Я слишком сильно наседала на отца. А все потому, что не знала, как подтолкнуть его в нужную сторону – к маме.

– Ты злишься потому, что папа не предложил виноградник тебе?

Я посмотрела на Бобби. Его слова меня задели. Неужели он считает, будто я думаю о себе, а не о нашей семье?

– Все равно вы с Беном переезжаете в Лондон, а на расстоянии виноградником управлять невозможно. Мне он не нужен. Я должен подумать о Маргарет с детьми. Маргарет собирается выйти на работу. А Финн...

– Что между вами происходит?

Бобби вытер руки и потянулся за бутылкой с водой.

– Придется тебе спросить у него.

– Как это понимать?

– Так и понимать: придется тебе спросить у него. Ведет себя, как скотина, еще и не желает об этом разговаривать. Тут, наверное, я сам виноват – слишком явно его осуждал.

– За что?

Бобби хлебнул воды.

– За то, что бегаешь за каждой юбкой.

– Но Финн всегда с кем-нибудь встречается.

– Теперь он встречается со всеми подряд.

Бобби поставил бутылку на землю.

– А еще он решил переехать в Нью-Йорк и работать на своего приятеля Сэма, который недавно открыл ресторан. Хочет продать мне свою часть акций. Я купил «Таверну» специально, чтобы ей занимался Финн, а теперь он бросает ее на меня.

Бобби задело, что Финн его подвел, ведь они никогда друг друга не подводили. Задело, что брат хочет уехать.

Бобби с Финном всегда были лучшими друзьями. Ко мне относились как к младшей и заботились каждый на свой лад: Бобби занимался со мной алгеброй, Финн увозил поесть пиццу и посмотреть кино прямо накануне экзамена. Но сами они общались на равных и стояли друг за друга горой. Теперь, похоже, что-то изменилось.

У Бобби зазвонил телефон. Он вытащил его из кармана и расплылся в улыбке.

– Привет, дружище!

Он показал мне мобильник. Я увидела надпись «Бен» и фотографию своего улыбающегося жениха. Брат снова поднес телефон к уху, всем видом выражая радость.

Бобби любил Бена, хотя и не за то же, за что любила его я. Для него Бен в первую очередь был видным архитектором, продуктивным членом общества, участником закрытого клуба «Сохо хаус». Такие уж у брата ценности.

– Скоро приедешь? – спросил он в трубку.

– Меня здесь нет! – прошипела я.

– Да, конечно, она рядом.

Бобби протянул мне мобильник.

Я не стала подносить его к уху, а нажала на отбой и тут же вернула брату.

Он растерянно уставился на зажатый в руке телефон.

– Ты чего?

– Не смотри на меня так. Просто хотела закончить наш с тобой разговор.

– Могла бы сообщить об этом Бену.

Я почувствовала, что краснею. Бобби тоже заметил.

– Только не это... Ты что, решила его бросить?

– Нет, но все равно спасибо за поддержку.

– Так вот почему ты прицепилась к виноградику – не хотела признаваться, что решила бросить Бена. Неужели я единственный в этой семье умею вести себя, как взрослый человек?!

– Ты понятия не имеешь, что происходит сейчас со мной, не говоря уже о родителях. Иначе ты бы понимал, что дело вовсе не в виноградишке.

– Да ну? – Бобби недоверчиво усмехнулся.

Я удивленно взглянула на него. Может, брату тоже известно о папе с мамой?..

– Бобби, они хотят сбежать от того, что для них важнее всего на свете. Потому что остаться слишком тяжело. Мы не можем этого допустить!

Снова зазвонил телефон. Опять Бен.

– Ничего не поделаешь, – сказал Бобби. – Все уже решено.

Он отвернулся и ответил на звонок.

Холмы Себастопол-Хиллс, Калифорния, 1979 г

«Пастораль» – так охарактеризовала это место риелторша.

«Пастораль» – очень громко сказано. Вокруг только пыль, грязь и десятки пней – придется выкорчевывать их вручную.

– Это место таит в себе массу возможностей.

«Масса возможностей», «пастораль» – просто риелторский жаргон. В конце концов, она и есть риелтор, который пытается продать ему десять акров в районе, где никто не станет покупать участок. По крайней мере, не под то, подо что он нужен Дэну. Не под виноградник.

Они добирались сюда целый час по круто петляющему шоссе номер сто шестнадцать, которое затем уводило дальше – в совершенно другую вселенную, в города Калистога и Сент-Хелена, в изысканный мир долины Напа. Мир, где Дэн бывал лишь проездом. Мир, до сих пор упивающийся победой на сравнительной дегустации 1976 года «Суд Парижа». Большое событие в среде виноделов: одиннадцать судей, оценка качества в баллах. Калифорнийские вина были признаны лучшими во всех категориях, обойдя французов, обойдя весь мир. Одна судья-француженка потребовала вернуть ей бюллетень. Слишком поздно: она уже высказала свое мнение. Долина Напа победила.

Себастопол-Хиллс – не долина Напа. Мало кому пришлось бы в голову выращивать виноград на клиновидном отрезке земли, отделяющем долину реки Рашен-Ривер от низины Петалума-Гэп. Это холмистая местность, заросшая деревьями и пересеченная петляющими дорогами, похожими на полосу препятствий. Западная Сонома, страна яблочных садов. На выбранном Дэном участке, объяснила риелторша, тоже когда-то рос яблоневый сад. Теперь от него осталась лишь голая, иссушенная почва.

Однако Дэна интересовала не только почва. Его интересовало все. Например, предсказуемая погода: утром всегда тепло, особенно когда рассеется туман, вечером – холодно. Прибрежные туманы на такую высоту не поднимались.

Дэн был ученым, пока не ощутил потребность заняться чем-то другим – потребность очутиться здесь. Вот уже целую неделю каждое утро он стоял на этом холме – высшей точке участка. Стоял по два часа и наблюдал, когда всходит солнце и как дует ветер. Пожалуй, с подобными условиями работать можно. Если он чего-то достигнет, то будет первым.

Придется рискнуть. Участок в долине Напа ему не по карману – он на эти-то десять акров наскреб с трудом. Но дело не только в деньгах. Быть может, если Дэн с почтением отнесется к земле – к силам природы, которые сделали ее такой, какая она есть, – он сможет создать новый сорт вина. Сможет сделать нечто стоящее.

Риелторша старалась проявлять терпение. Каждое утро она стояла рядом с ним на вершине холма и наблюдала, как он снова и снова наклоняется, зачерпывает пригоршню земли и внимательно изучает.

Дэн знал: если бы у нее были другие покупатели, она бы здесь не стояла. А она знала, что он знает.

Стараясь не обращать на нее внимания, Дэн смотрел на раскинувшуюся перед ним голую землю. Риелторша проследила за взглядом Дэна, потом покосилась на его руку – кольца не было.

– Хотите построить дом? – спросила она.

– Винодельню.

– Правда? – Риелторша попробовала скрыть удивление, но ей это не удалось. – Как интересно!

Он продолжал смотреть прямо перед собой.

– Вы винодел?

– Нет.

Она озадаченно взглянула на него.

– У вас есть помощник?

– Пока нет.

Ему было двадцать пять. Ни семьи, ни денег. Всего два занятия по витикультуре за плечами и еще четырнадцать впереди.

С чего он взял, что может заниматься виноделием?

– Покупаю, – сказал Дэн и еще раз обвел взглядом пустой участок – начало своей жизни.

Мистер Маккарти

Когда мы вернулись из виноградника, я пошла домой и приняла душ. А выйдя из ванной, впервые за день взяла в руки телефон.

Два голосовых сообщения от Сюзанны. Сюзанна Кэлвин-Бернарди, уроженка Джорджии, королева на встрече выпускников и настоящий вулкан, была не только моей коллегой, но и одной из лучших подруг в Лос-Анджелесе. Все ей давалось легко. Вместе со своим королем Сюзанна воспитывала одного ребенка, ждала второго и никому не давала спуска на работе. Она не делала поблажек ни дочери, ни сослуживцам, ни себе.

Мечтая поскорее сбежать из города, я свалила на подругу дело, которое мы пытались закрыть. Вообще-то на меня это не похоже. Я никогда не перекладывала на нее свои обязанности, не оставляла ни одного договора неподписанным, работала допоздна, лишь бы Сюзанна смогла освободиться пораньше – особенно теперь, когда она была на восьмом месяце беременности.

С замиранием сердца я включила первое сообщение. Подруга говорила быстро и твердо:

«Привет! Это Сюзанна-коллега. Помнишь, как ты улизнула из офиса на примерку платья? Перезвони, когда получишь мое сообщение. Я тебя ненавижу».

Во втором сообщении голос у нее звучал мягко и мелодично.

«Привет! Это Сюзанна-подруга. Помнишь, как ты улизнула из офиса на примерку платья? Перезвони, когда получишь мое сообщение. Я тебя люблю».

Я как раз собиралась ей перезвонить, когда завибрировал телефон. Бен, подумала я – он уже оставил мне несколько сообщений. Но оказалось, что это Томас Ник, его деловой партнер.

Томас находился сейчас в Лондоне – обустраивал офис к приезду Бена. Он собирался прилететь в Штаты на нашу свадьбу и хотел, чтобы к этому моменту все было готово.

– Привет, Джорджия! Ну что, как продвигается переезд?

Переезд... Я присела на краешек кровати и плотнее закуталась в полотенце. У меня совершенно вылетело из головы, что мы с Беном сегодня переезжаем. Все наши вещи покинут Сильвер-Лейк и сначала фургоном, а потом самолетом отправятся в Лондон – в наш новый дом на краю Ноттинг-Хилл. Дом моей мечты. Он стоял на живописной, мощенной булыжником улочке неподалеку от Уэстборн-Гроув – самой классной улицы Лондона. Сам дом тоже был бесподобен: много света, белые книжные полки в гостиной, большие окна на кухне. А главное – дверь. Красная парадная дверь, как в доме родителей.

– Я сейчас стою в вашем доме. Он великолепен. Великолепен, но пуст. Нужно, чтобы ты приехала и создала здесь уют. Не хватает твоей руки. Понимаешь, о чем я?

Простая любезность. Бен – вот кто действительно умел создавать уют. Он мог превратить любое помещение в такое место, откуда не хочется уходить. Переехав в Лос-Анджелес, Бен переставил нашу кровать в заднюю комнату. Вообще-то она предназначалась под библиотеку, но Бен сразу понял, как приятно будет просыпаться под большим эркером. Неужели только вчера я проснулась там рядом с ним? Сердце у меня защемило.

– Томас, я вообще-то спешу...

– Понимаю. Я, собственно, хотел поговорить с Беном. Возникли сложности с проектом «Мальборо», нужно кое-что согласовать... Он рядом?

– Нет.

В трубке повисло недоуменное молчание.

– А ты знаешь, где он? – спросил наконец Томас.

– Ты не звонил матери его ребенка? Может, он с ней?

– Матери его ребенка?..

Когда Томас повторил эти слова, время словно замедлило свой ход.

Должно быть, он счел меня ненормальной.

Однако вместо того, чтобы объяснить, я просто нажала на отбой.

* * *

Я всегда знала, что отец любит виноградник. Но по-настоящему почувствовала силу этой любви, когда мама с Бобби и Финном уехала в гости к родителям, и мы целую неделю прожили вдвоем. В биодинамическом виноделии время посадки зависит от фазы луны и расположения звезд. На той неделе я поняла, что отсюда следует. Папа разбудил меня в полночь и дал выпить кружку горячего шоколада, а потом я ходила за ним по пятам, пока он укоренял саженцы и сеял семена. Папа был настолько поглощен каждым действием, словно от того, что он сделает или не сделает, зависело все. Никогда не видела, чтобы кто-нибудь так сосредоточенно чем-то занимался. Я смотрела и думала: это и есть любовь.

* * *

Я надела джинсы с футболкой, села в машину и поехала вниз по шоссе номер сто шестнадцать – извилистой дороге, ведущей из одного мира в другой, из Сономы в долину Напа и ее одноименную столицу.

В Напе есть все, что должно быть в большом городе: развлекательная индустрия, роскошные отели, дорогие рестораны.

На свой двадцать первый день рождения я приехала домой из колледжа, и мы всей семьей отправились в самый роскошный ресторан Янтвилла – городка к северу от Напы. Назывался он «Французская прачечная». На его месте когда-то действительно стояла прачечная. В этом ресторане, одном из лучших в мире, подают девять перемен блюд и самое прекрасное вино, какое вам только доводилось пробовать. Мы не просто отмечали мой день рождения: незадолго до того «Френч лондри» включил в свою обширную винную карту вино отца. «Блок четырнадцать». «Пино нуар» 1992 года. Двести пятьдесят долларов бутылка. Любимое «пино» отца. Виноград, из которого его производили, по-прежнему выращивался только на самом первом участке в десять акров. От мысли, что наше вино будут пить люди со всего света, кружилась голова. Папа заказал две бутылки в надежде, что это поможет «Блок четырнадцать» остаться в меню.

Проезжая мимо «Френч лондри», я мысленно вернулась в тот день. Бобби объявил, что хочет сделать Маргарет предложение. Финн раскричался и обозвал брата сумасшедшим: Маргарет, конечно, красавица, но жениться в таком возрасте все равно безумие. Тогда Бобби признался, что она беременна. Даже две бутылки вина не спасли тот вечер.

Через две недели мы с Беном собирались пригласить всю мою семью в тот же ресторан – отблагодарить родителей за то, что разрешили отпраздновать свадьбу у себя дома. Теперь ничего этого не будет – ни обеда, ни свадьбы...

С Вашингтон-стрит я свернула налево – на боковую улицу, где располагалась штаб-квартира «Марри Грант». Машину поставила на одно из двух парковочных мест; второе занимала старенькая «Хонда».

Я глянула в договор, который умыкнула из домика винодела: хотела проверить, не ошиблась ли адресом. Непохоже, что мне сюда.

Винодельческий регион Северной Калифорнии – это маленький мир, четко разделенный на две фракции: тихую сельскую Соному и коммерциализированную долину Напа. Кто утверждает, что граница между ними постепенно стирается: Сонома тоже начинает про-

изводить вино на промышленный лад. Однако пока граница все еще существует: маленькие винодельни Сономы по-прежнему выглядят Давидом рядом с корпоративными Голиафами Напы.

Как ни странно, штаб-квартира «Марри Грант» занимала не зловещий комплекс огромных бетонных коробок. Подобное здание вполне можно встретить где-нибудь в Севастополе: незаметный с улицы второй этаж, увитая виноградными лозами лестница, окна с ярко-зелеными ставнями, на каждом подоконнике – растения с красными, желтыми и оранжевыми листьями. Скорее похоже на дом художника, чем на корпоративный офис.

Я постучала в затянутую сеткой дверь.

– Открыто! – послышалось откуда-то изнутри.

Я вошла в приемную. Ни стульев, ни дивана. Только голый стол, над которым висит очень симпатичная картина – зеленая груша. Почему-то я не могла отвести от нее глаз. Ярко-зеленый цвет груши притягивал, казался чуть ли не волшебным.

– Завораживает, правда?

Я обернулась. На пороге кабинета стоял молодой мужчина в джинсах и кашемировом жилете на молнии, из-под которого торчал галстук. Незнакомец был по-своему хорош собой, хотя далеко не так хорош, как воображал. Он имел нахальный вид уроженца восточного побережья – совсем как некоторые мои однокурсники, считавшие себя повелителями вселенной. На его губах играла самоуверенная однобокая улыбка.

– Сколько ни пытался, так и не смог понять, что в этой груше особенного. Думал, я просто необъективен – в конце концов, ее нарисовала моя мама. Но картина завораживает не только меня. Значит, что-то в ней все-таки есть.

Незнакомец оторвал взгляд от груши и впервые посмотрел на меня.

– Это же вы! – воскликнул он.

– Что, простите?

– Невеста из бара.

Я удивленно уставилась на него.

– Еле узнал. Тогда волосы у вас были собраны в узел... В разваливающийся узел.

Я дотронулась до своих распущенных волос, которые уже начинали кудрявиться.

– Что вы хотите этим сказать?

– Такая прическа идет вам гораздо больше.

Он указал на свою густую шевелюру, как будто ждал, что я отвечу комплиментом на комплимент. Я одернула футболку. Надо было одеться более строго. Впрочем, незнакомец, похоже, не обратил внимания на мой костюм – его занимало только мое свадебное платье.

– Я был в баре, когда вы пришли. Сидел за маленьким столиком у камина.

Незнакомец сложил руки треугольником и ткнул сначала в указательный палец – где сидела я, – потом в большой палец другой руки – где сидел он.

– Вернее, так: я был там со своей девушкой, которая рассказывала мне о чиа. Она обожает семена чиа. Сыпет их, куда ни попадя: в салат, в овсянку, в макароны. Якобы очень полезно. Вы знали?

Я кивнула. В модных ресторанах Лос-Анджелеса склизкие семена чиа считались хитом сезона. Однако я бы предпочла начать разговор совсем по-другому. Как же вышло, что тему задает он, а не я?..

– В общем, я не хотел пробовать чиа, поэтому глазел по сторонам. И тут появились вы. А теперь вы здесь. Странно, правда? Вам так не кажется?

– Нет, – ответила я.

Хотя действительно странно. Кто этот человек? Что он делал в баре моего брата в пятидесяти минутах езды отсюда? И почему меня запомнил? Впрочем, тут как раз ничего удивительного: в конце концов, я была одета несколько торжественнее, чем остальные посетители.

– Почему вы сбежали со свадьбы?

Я ошарашенно уставилась на него.

– Я не сбежала со свадьбы!

– Я тоже однажды так поступил. Если точнее, так поступили со мной.

Я подняла перед собой руки, пытаюсь прервать этот разговор.

– Я не сбежала со свадьбы, понимаете вы или нет?

– Хорошо-хорошо. Понял. Вы не сбежали.

– Благодарю.

– А почему на вас было свадебное платье?

– Я сбежала с последней примерки, а это далеко не то же самое.

Он задумчиво кивнул.

– Пожалуй.

– Не пожалуй, а точно.

– Ваша правда. Во-первых, вы не унизили жениха в тот день, которому полагается стать самым счастливым в его жизни. Во-вторых, вам вернут задаток. Практически за все.

– За все без исключения.

– Ну, за платье – вряд ли.

– Послушайте, я вообще-то ищу Джейкоба Маккарти.

Незнакомец оглядел пустой кабинет и объявил:

– Похоже, Джейкоб Маккарти – это я.

Мне не понравилось, как самодовольно он произнес свое имя. Надо дать ему понять, что я серьезный юрист, а не просто девушка, заявившаяся в бар в свадебном платье. Хотя и не в день свадьбы.

– Чем могу помочь?

– Я бы хотела поговорить о винограднике «Последняя капля».

– Тогда входите.

Он отступил в сторону, чтобы пропустить меня в кабинет. Я неохотно вошла, крепче прижимая к груди договор. Внутри оказалось очень уютно: мягкие белые диванчики, старинный стол невероятных размеров, над которым висела еще одна картина – огромный красный помидор.

– Тоже мама нарисовала, – сообщил Джейкоб Маккарти. – Овощи и фрукты даются ей особенно хорошо.

– Повезло вашей маме.

Он предпочел не обращать внимания на мой тон – просто улыбнулся и присел на краешек стола.

– Почему вас интересует виноградник «Последняя капля»? Если не считать очевидной причины, разумеется.

– То есть?

– Там производят великолепное вино.

Я скрестила руки на груди, решив не поддаваться на лесть.

– Виноградник принадлежит моей семье, и я против того, чтобы его продавать. Вообще-то мы все против, просто некоторые еще этого не осознали.

– Джорджия. Ну конечно. Сходство потрясающее, особенно в области рта. – Джейкоб Маккарти указал на собственный рот. – Вы очень похожи на отца. Приятно познакомиться. У вас замечательная семья. Обожаю вашу семью.

– Вы ее совсем не знаете.

– Позвольте не согласиться.

Он взял со стола стеклянную банку, наполненную лакричными палочками, и протянул мне.

– Вы что, серьезно? – изумилась я.

– Почему бы нет? Лакричные конфеты – самые вкусные. Кроме того, лакрицу с древних времен используют в медицине. В том числе для снятия стресса.

– И все-таки я откажусь.

Джейкоб Маккарти достал из банки конфету и откусил большой кусок.

– Зря, но как хотите.

– Можете даже не стараться. Ваши фокусы не пройдут.

– А что я стараюсь сделать?

– Не знаю... Очаровать меня.

– Зачем мне это?

– Вы прекрасно знаете, что договор полон ошибок и его еще не поздно аннулировать.

– Вы говорите прямо как юрист.

– Я и есть юрист. Мне ежедневно приходится оформлять гораздо более крупные сделки.

– Ну, тут вы меня обставили.

Джейкоб Маккарти указал на висящие на стене дипломы в красивых рамках. Сельскохозяйственный факультет Корнеллского университета, юридический факультет Корнеллского университета. Какое самолюбование – повесить на стену собственные дипломы, еще и в рамках!

– Я окончил юридический, но практикующим юристом никогда не был.

– А практикующим виноградарем?

– Уверяю, я сделал вашему отцу выгодное предложение.

– К сути дела это не относится.

– А в чем, собственно, суть дела?

Трудно откровенничать с совершенно незнакомым человеком, но я решила быть честной.

– Отец непременно пожалеет, что продал виноградник.

– Думаете?

Внезапно мне показалось, что Джейкобу Маккарти не все равно: взгляд его сделался мягче, самодовольная усмешка исчезла.

Я встретила с ним глазами, стараясь внушить ему, насколько дорог отцу виноградник.

– Да, думаю.

– Хм... а я вот нет.

Он принялся копаться в разложенных на столе бумагах. Все мои надежды, что передо мной разумный, отзывчивый человек, разом растаяли.

– Договор еще не вступил в силу, – напомнила я. – Виноградник перейдет к вам только с нового года.

– Чтобы кое-кто мог отпраздновать там свадьбу, если не ошибаюсь. Церемония, кажется, в следующие выходные?

– Не надо меня оскорблять!

– Никто вас не оскорбляет. Просто хотел сообщить, что все случайности предусмотрены. Ваш отец попросил, чтобы передача прав состоялась только после свадьбы, когда они с женой смогут освободить дом.

– Я намерена оспорить законность этой сделки, мистер Маккарти.

Он бросил на меня недоуменный взгляд.

– Никто не называет меня мистер Маккарти. Мне это неприятно.

Тут у меня завибрировал телефон – эсэмэска от Сюзанны.

«Бен позвонил и объяснил, что случилось!!! Ты где? Перезвони – я скажу, что делать. Только сначала на тебя наору. Как ты могла свалить на меня эту работу? Кстати, я до сих пор в офисе и до сих пор злюсь».

Джейкоб уставился на экран моего телефона.

– Кто такой Бен? Брошенный жених?

– Я здесь, чтобы поговорить о продаже виноградника, – ответила я, пряча телефон.

Он рассмеялся.

– Тогда нам не о чем больше говорить. Что будет с виноградником – не ваше дело.

– Виноградник – дело моего отца, а значит, и мое тоже.

– Договор подписан и заверен нотариусом. Так что это теперь мое дело – во всех смыслах.

Джейкоб улыбнулся такой самодовольной улыбкой, точно хотел сказать: «Я ради других обременять себя не собираюсь». И тут я осознала, насколько его ненавижу.

– Мило, что вы ко мне заглянули. Однако думаю, нам лучше окончить этот разговор.

– Полностью с вами согласна, – ответила я и вышла за дверь.

Парень по имени Марк и парень по имени Джесси

Когда я вернулась домой, над виноградником садилось солнце. Волшебный час – так называл это время отец. Волшебный час, который предшествует началу работы и позволяет оценить, чего достиг виноградник за день. Большую часть своих обязанностей отец выполнял после захода: если виноград висел на лозах – помогал его собирать; если урожай был убран – заботился о почве или вине.

Отец называл этот час волшебным еще по одной причине: небо окрашивалось в необычный оттенок желтого. Папа клялся, что раньше – до того, как он начал возделывать землю, – цвет у неба был другим. Теперь свет отражался по-иному, потому что земля стала живой, зеленой – так он утверждал.

Я до того устала, что ни с кем не хотела разговаривать. Однако на кухне сидел Финн. На нем была надетая задом наперед бейсболка и спортивные шорты, отчего он напоминал мальчишку, только что вернувшегося с тренировки. Финн поедал знаменитую мамину лазанью – прямо из формы для выпечки.

Все мы обожали мамину лазанью. До ужина она не дожила ни разу. Стоило только маме достать ее из духовки, мы рассаживались вокруг разделочного стола и, обжигая языки, дружно принимались за еду, как бы сильно ни злились друг на друга.

В свою фирменную лазанью мама клала выращенные в винограднике оливки и помидоры, шпинат, пять видов сыра и еще что-то – она отказывалась признаться, что именно. Финн клялся, что однажды зашел на кухню и увидел, как мама добавляет в нижний слой шоколадную крошку. С тех пор мы все время пытались отыскать в лазанье следы шоколада.

– Меня подкупили, – сообщил Финн.

– Вижу.

Я села на высокий табурет напротив него. Договор положила себе на колени в качестве напоминания, – как будто мне требовалось напоминание! – что нужно срочно что-то делать. Иначе я больше никогда не буду сидеть на кухне с братом и есть мамину лазанью, глядя на виноградник. Виноградник, о котором очень скоро придется говорить в прошедшем времени: «Когда-то он принадлежал нашей семье».

Финн раздул щеки, пытаясь остудить откушенный кусок, и тут же отправил в рот следующий.

– Мама не хотела оставаться с тобой наедине, поэтому вызвала подкрепление.

– Значит, она рассказала тебе, что происходит у них с папой?

Финн кивнул и подал мне вилку. Я вонзила ее в самую середину лазаньи, и выражение сочувствия на его лице тут же сменилось раздражением: он не мог спокойно смотреть, как я ем серединку, хотя сам предпочитал краешки. Я отправила в рот первый кусок и мигом позабыла о чувствах брата. Это была тягучая сырная масса, сладковато-соленая на вкус. Помидоры сладкие, как клубника, тесто из непросеянной муки нежное и масляное. Только тут я поняла, насколько голодна. Я ведь не ела весь день, даже от лакричных палочек отказалась.

– Вообще-то я уже сам догадался.

Я перестала жевать и взглянула на него.

– Как?

– Мама не умеет притворяться. На прошлой неделе я без предупреждения заявился на ужин, так она была сама не своя. Сказала, что папа в кафе на встрече местного научного общества, хотя он ходит туда только по четвергам. А потом испекла мне шоколадный кекс.

– Отлично. Мне достался голый мужик, тебе – шоколадный кекс.

– И очень вкусный к тому же.

Финн махнул в сторону виноградника, где прогуливались наши родители. Они шли рядом, как обычно, но между ними чувствовалась отчужденность: у отца руки заложены за спину, у мамы – висят по швам. Больно смотреть.

Я потянулась за следующим куском, но Финн вышибил вилку у меня из руки.

– Не налегай на лазанью, а то в свадебное платье не влезешь.

Я знала, что он говорит не всерьез. Это все мамина лазанья. Чтобы загладить свою вину, брат отрезал маленький кусочек и пододвинул его ко мне.

– Растяни на подольше, – предупредил он.

– Что же нам делать, Финн? Я о папе с мамой.

– А что тут поделаешь? Это их жизнь.

– Наша тоже.

Мы молча съели по кусочку. Потом я протянула ему договор, чтобы брат увидел все своими глазами.

– Отличный у тебя выдался денек, да? – с сочувствием спросил он.

– Почему ты ничего мне не сказал?

– Посчитал, что это должен сделать папа.

Голова шла кругом при мысли о том, сколько всего знают члены моей семьи. Сколько всего они скрывают.

– Папа со мной поделился только недавно. Хотел убедиться, что виноградник мне не нужен. В чем я его и заверил.

– Почему меня-то никто не спросил? А что, если виноградник нужен мне?

– Тебе он тоже не нужен.

Через двадцать дней я должна была переехать в Лондон и начать работать в новом британском представительстве нашей фирмы. Лондон. Город, в который я слегка влюблена с тех самых пор, как впервые прилетела туда к подруге на свадьбу. После приема я решила прогуляться и долго бродила по извилистым, мощенным булыжником улочкам, направляясь в сторону Пимлико². Я представляла, как шагаю поздним вечером по волшебным лондонским улицам и фонари освещают мне путь к крошечному бистро, известному своей картошкой с розмарином. Я не могла поверить, что очень скоро это бистро станет ближайшей к моему дому закусочной, эти улицы – моими улицами. Пусть личная жизнь трещала по швам, переезд по-прежнему меня радовал.

– Папа знает, что ты хочешь унаследовать виноградник ничуть не больше, чем я, – сказал Финн.

– Дело не в этом.

– К тому же на втором курсе ты заставила нас с Бобби подписать договор, в котором мы пообещали, что никто из нас не будет управлять виноградником и не позволит остальным. Помнишь?

Конечно, я помнила. Помнила, почему составила тот договор. Учеба на юридическом давалась мне тяжело, и в глубине души я мечтала все бросить и уехать домой. Однако уехать значило бы признать поражение, отказаться от мечты построить другую, более стабильную жизнь. А я не желала сдаваться сама или позволить сдать себя братьям.

– Бобби наверняка до сих пор хранит этот гребаный договор.

Я указала на Финна пальцем.

– Не выражайся. Кстати, ты что, правда собрался переезжать?

– Думаю, тебе лучше не вмешиваться.

– Я бы с радостью, но вы оба сыпете намеками – трудно не обращать внимания.

² Пимлико – район в центральной части Лондона.

Финн воткнул вилку в лазанью, словно вбил в землю кол, чтобы отгородить от меня свою порцию.

– Хорошо, я расскажу. Только не надо меня осуждать.

– Разумеется.

– Нет, не разумеется. Когда ты все услышишь, то заговоришь по-другому. Тебе покажется, будто ты понимаешь, в каком я положении. На самом деле ничего ты не понимаешь.

– Почему? Что ты сделал?

– По-твоему, это хорошее начало?

Я положила вилку и пододвинула форму с лазаньей поближе к Финну – в знак примирения.

– Ради большей беспристрастности давай представим, что речь о ком-то другом. О посторонних людях, а не о твоих братьях. О парне по имени Марк и о парне по имени Джесси.

Интересно, кем себя видит Финн – Марком или Джесси? Наверное, Джесси.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Не пытайся угадать, кто из них я.

– Есть в твоей истории другие персонажи?

– Только Дейзи, – сказал Финн и вздохнул – по-настоящему вздохнул. – Джесси познакомился с ней еще в юности. Тогда же и полюбил. Но Джесси – парень, а все парни дураки. Шестнадцатилетние парни такие дураки, что даже не знают, что такое дурость. В общем, он решил больше с ней не встречаться и познакомился с другой девушкой. Ланой.

– Бобби что, изменяет жене?!

– С чего ты взяла?

– Это же очевидно!

– Может, и очевидно, но неверно. Я – Джесси. Бобби – Марк.

– А кто такая Лана?

– Аннабель Лоренс.

Я растерянно взглянула на него. Аннабель Лоренс – девушка, с которой Финн встречался еще в старшей школе. Маленькая, веснушчатая, с громким заразительным смехом. Я плакала, когда Финн с ней расстался. Помню, он тогда сказал, что будет еще много таких Аннабель. И не соврал.

Финн снова взялся за вилку и быстро отправил в рот два больших куска.

– Я чувствую то, что чувствую, и ничего тут не поделаешь. Это для меня не новость.

– Что же для тебя новость?

– Она тоже ко мне равнодушна.

И тут я поняла, что Финн пытается мне сказать. Поняла, кто в кого влюблен и почему они не могут быть вместе.

– Маргарет, – произнесла я.

– Да, Маргарет. Я и Маргарет.

Сердце у меня упало. Почему я ничего не заподозрила? Почему не догадалась раньше? За год до того, как Маргарет с Бобби начали встречаться, она все время проводила у нас. Они с Финном вместе работали спасателями в себастопольском бассейне. Маргарет была другом Финна еще до того, как стала женой Бобби.

– Пожалуйста, не смотри на меня так, – попросил Финн.

– Ты с ней спишь?

– Это все, что тебя интересует?

– Привет!

Мы оба вздрогнули: на пороге с небольшим чемоданом в руках стоял Бобби. Если он и слышал конец нашего разговора, то явно не понял, что речь о его жене.

– Ни фига себе! Лазанья!

Бобби направился напрямик к столу, даже не поставив чемодан на пол, и тут же схватил вилку. Финн откинулся назад и не стал возражать.

Что же, по-своему справедливо: если между Финном и Маргарет что-то есть, Бобби должен получить столько лазаньи, сколько пожелает.

– Что ты здесь делаешь? – не слишком радушно осведомился Финн.

– Мама вызвала подкрепление, – ответил Бобби, немного озадаченный его тоном.

– Что, она и тебе позвонила?

– Угу.

– Выходит, ты тоже знаешь про маму с папой? – спросила я.

Бобби кивнул.

– Это моя вторая лазанья за неделю.

Тут на кухне, неся на каждом бедре по близнецу, появилась Маргарет. Оба мальчика, Питер и Джош Форд, были одеты в одинаковые костюмы пожарных – широченные красные штаны на подтяжках и каски. Такова наша Маргарет: высокая, красивая, с длинными светлыми волосами. Может таскать на руках двух пятилетних пожарных с таким видом, будто ей это ничего не стоит.

Маргарет натянуто улыбнулась.

– Если вы уже начали пить, с удовольствием присоединюсь.

Она подошла к столу и поцеловала меня.

– Поздоровайтесь со своей бесподобной тетей, – сказала она и подтолкнула Питера с Джошем вперед.

Близнецы потянулись ко мне, и пожарные каски полетели на пол. Вдали от дома мне больше всего не хватало именно племянников, этих маленьких копий Бобби – двух чудесных мальчиков со светлыми кудряшками и задорными улыбками. Я продолжала любить их и на расстоянии пятисот миль, но это далеко не то же самое, что видиться постоянно. Я прижала к себе Питера с Джошем, думая о том, что очень скоро разделяющее нас расстояние увеличится во много раз.

– Что это на вас надето? – спросила я.

– Мы пожарные! – сообщил Джош.

Маргарет дотронулась до его макушки.

– К ним в садик приходил пожарный, так что на эту неделю они решили стать пожарными.

– Не на неделю, а навсегда! – поправил Питер, негодуя глядя на мать.

Маргарет погладила сына по щеке.

– Да, дорогой. Конечно, навсегда.

Я кивнула, давая близнецам понять, что верю. Но они уже вывернулись из моих рук, включили пожарную сирену и побежали в виноградник, где их ждала такая любовь, какую могла подарить только моя мама.

– Пожалуй, я тоже пойду, – сказала Маргарет. – Потом поболтаем?

– С радостью, – отозвалась я, хотя никакой радости не чувствовала.

Маргарет взглянула на Финна.

– Привет, Финн!

Брат поднял голову и посмотрел прямо на нее, но только после того, как она отвернулась.

– Привет! – ответил он.

Невозможно было не заметить, что между ними происходит. Каких усилий им стоит не смотреть друг на друга одновременно.

Повисло молчание. Маргарет вышла на улицу вслед за близнецами.

Бобби направился было к двери, но на пороге застыл и начал грызть ноготь.

Я взяла лежащую посередине стола вилку.

– Бобби, ты куда?

Тут поднялся Финн.

– Мне пора возвращаться в бар, – объявил он.

– Пойду разберу вещи, – пробормотал Бобби.

Так они и ушли – каждый в свою сторону. А я осталась доедать лазанью.

Незванные гости

Синхронизация. Согласованность действий.

На винограднике синхронизация – это готовность наблюдать и ждать, когда все придет в согласие.

Вмешиваться слишком быстро нельзя.

Совсем не вмешиваться – тоже.

В ночь перед свадьбой Бобби Финна арестовали. Он утверждал, что не виноват, и был одновременно прав и неправ.

Тем вечером мы пили в «Таверне братьев». Финн дружил с тогдашними владельцами, и они разрешили ему устроить в баре импровизированную вечеринку в честь Бобби. Отец заглянул ненадолго и ушел. Друзья Бобби заглянули ненадолго и тоже ушли. В итоге мы остались вдвоем – сидели в пустом баре вокруг столика, на котором стояла зажженная свеча и слишком много бурбона.

Бобби налил всем еще по стаканчику. Я опустила голову на стол, Финн подпирал руками подбородок. Зато у Бобби сна не было ни в одном глазу.

Он ударил Финна по руке.

– Ну ты и слабак! Мы же только начали!

Финн встрепнулся и пододвинул к нему свой стакан.

– Наливай!

Сегодня Финну хотелось во всем угодить Бобби. Я бы с удовольствием отправилась домой, но об этом не могло быть и речи. Я уже упоминала, что каждый брат играл в моей судьбе особую роль: один помогал совершенствоваться, другой – совершенствоваться в непослушании. Однако я тоже играла в их судьбе особую роль: еще прежде чем братья понимали, что в их жизни что-то не так, я помогала это исправить. Ради Бобби, например, я часто не спала ночами – вставляла шутки в его предвыборную речь, когда он баллотировался на пост президента школьного совета, корректировала программу их с Маргарет первого Дня святого Валентина, в которую в том числе входили гонки на пикапах с участием членов футбольной команды. В ночь перед свадьбой, сам того не сознавая, Бобби нуждался в выпивке и безостановочном движении.

– Думаю, Бобби хочет куда-нибудь сходить, – сказала я.

– Да! Именно этого я и хочу. Давайте чем-нибудь займемся.

В час ночи в Севастополе заняться нечем. Однако Финн тут же вскочил на ноги, готовый угодить брату.

– Куда пойдем?

Бобби двинулся к выходу.

– Есть одна идея. Пойдем на вечеринку.

– Вечеринка – это хорошо, – кивнул Финн.

Вскоре мы оказались на территории поместья, принадлежащего «Марри Грант». Посреди густой зелени виноградников возвышался особняк в испанском колониальном стиле – в пять раз больше нашего дома. Все окна светились – вечеринка была в самом разгаре.

– Что там происходит? – спросил Финн.

– Какая-то девушка выходит замуж, – пожал плечами Бобби. – Друг жениха рассказывал сегодня в баре.

– Ты с ума сошел? – напустилась я на брата.

– Наверное. – Он улыбнулся от уха до уха. – Раз до сих пор хочу попасть на свадьбу.

– А, черт с ним, – объявил Финн. – Если Бобби хочет, идем на свадьбу. Тем более уже поздно. Все давно напились и не обратят внимания, что на вечеринке трое лишних гостей. Только обрадуются новым собутыльникам.

Бобби кивнул и обнял Финна за плечи.

– Заявимся на свадьбу. Гениально.

О его тайне не знал никто. Новоиспеченный выпускник Стэндфордской школы бизнеса, молодой сотрудник инвестиционного венчурного фонда, Бобби, несмотря на все свои достижения, хотел одного – чувствовать себя так же раскованно, как Финн. Финн, который в жизни нигде не работал, если не считать халтуры в баре и гонорара за фотографию, проданную местной газете «Пресс демократ». Той ночью Бобби понадобилось совершить какую-нибудь глупость, чтобы доказать самому себе: он по-прежнему может стать кем угодно, хотя его будущее и определено.

Вечеринка действительно достигла последней стадии – Финн оказался прав. Все уже напились и теперь толпились вокруг бассейна олимпийских размеров. На невесте было облегающее платье-футляр, остальные переоделись в купальники и джинсы, так что мы в своих шортах с футболками не слишком бросались в глаза.

Бобби направился напрямик к стойке, здороваясь со всеми, кто попадался ему на пути. Гости озадаченно смотрели на него, хотя, по большому счету, им было все равно. В конце концов, они гуляли на свадьбе в краю виноделия и пили розовый купаж производства «Марри Грант» – вполне недурной, на их вкус.

Бобби осушил первый бокал, сморщился и тут же потребовал следующий. Потом указал на невесту.

– А она хороша...

Возможно, огненно-рыжая невеста с размазанной по лицу косметикой действительно была хороша – до того, как ее бросили в бассейн. Девушку нисколько не смущало, что она вся мокрая и растрепанная. Именно так и должна выглядеть невеста. По крайней мере, так объявил Бобби, прежде чем выпить за ее здоровье и направиться прямо к ней.

– Все это плохо кончится, – покачал головой Финн.

Невесте, похоже, Бобби понравился, и они тут же принялись болтать.

Когда мы подошли, она игриво улыбнулась Финну. Не успела выйти замуж, а уже строит глазки и принимает соблазнительные позы...

– Привет, – сказала невеста.

– Привет, – ответил Финн.

– А он завтра женится, – сообщила она, указывая на Бобби.

– Мы знаем.

Бобби наклонился к ней – пожалуй, чересчур близко.

– Вообще-то я слишком молод, чтобы жениться. Нет, я люблю Маргарет, по-настоящему люблю. Может, сомневаться – это нормально? Ты вот выглядишь немного постарше. Наверное, не так сомневаешься.

Девушка раздраженно глянула на него.

– Ты что, назвал меня старой?

– Я сказал «постарше», а не «старая».

Невеста, похоже, готова была расплакаться. И тут к нам подошел жених – огромный и тоже рыжий. Несло от него, как от пивзавода.

– В чем дело? – спросил он.

Невеста указала на Бобби с Финном.

– Они назвали меня старой!

– Неправда! – запротестовал Финн.

– Что же, по-вашему, Кэтрин врет? – с угрозой осведомился жених.

– А кто такая Кэтрин? – поинтересовался Бобби.

Он протянул жениху руку, но тот отбросил ее в сторону. Вокруг счастливых молодоженов и братьев Форд, которые их чем-то расстроили, уже собирались любопытные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.